

Анархизм и П. Л. Лавров

Стоянов Б.

12 июня 1920 г.

Два мировоззрения - анархическое (индивидуалистическое) и социа-листическое (коллективистическое) - встают ныне перед «единственно реаль-ным деятелем прогресса», т. е. перед «критически мыслящей лично-стью», не противопоставляющей «своих интересов интересам общества»¹. *Геометрическая точка - мысль, «разработка которой, как увлекательной цели, как искомой истины, как желательного нравственного блага, обращается в потребность для раз-витой личности»*[2], дошла сейчас в этих двух миро-воззрениях (в направлении - хочу новый мир построить) до тех мест в сторонах острого угла, образуемого ее вечным движением вперед от общей вершины - точки (карамазовского не приемлю мира сего), где расстояние становится очевидным для всякой личности, в которой, как говорил Лавров, и реальна лишь мысль, мысль, долженствующая сообщить «человечное достоинство общественной культуре»[3]*.

Но существование этого расстояния, или точнее непроходимой пропа-сти, становится только теперь, в момент великого напряжения - искания человеческой мысли, очевидным, только теперь рельефно выри-совываются на фоне истории, события которой в конечном счете есть лишь «борьба за... высшее благо и приближение к нему», контуры этой пропасти. Пятьдесят лет тому назад этой пропасти не видели, как не видят многие ее и сейчас; ее только чувствовали, слабо - интуитивно поз-наваливоз-можность ее существования. Пятьдесят лет тому назад даже наивысшие «критически мыслящие личности» искренно думали, как думают многие и сейчас, что анархиче-ское мировоззрение есть лишь вид общего рода - социалистического мировоззрения. Они не понимали и не знали, что эти два мировоззрения имеют лишь одно общее - ненависть к старому, и поныне еще влачащему свое существование, миру, а во всем остальном, главным образом, в своем существе, они покоятся на совершенно противо-положных, безусловно противоречивых, взаимно-уничтожающих началах: личности (индивидуальное начало), находящейся в вечно непримиримой борьбе, «борьбе полезной и разумной», с обществом (коллективное начало). Вот почему от социализма 70-х, 80-х и 90-х годов идет порой удушли-вый запах анархизма, а от

¹ «Исторические письма». СПб., 1905 г., стран. 110 [2]Там же, стран. 120 [3]Там же, стран. 124, 125 [4]«Очерки по истории Интернационала», стран. 15

анархизма того же периода веет сильно социализмом (Чернышевский, Михайловский, Лавров, Бакунин, Кропоткин и др.).

Несомненно, общий враг - «старый мир», сблизивший анархистов и социалистов в борьбе с собой, не давал им возможность оформлять, кристаллизовать свои мировоззрения и узреть пропасть, расширяющуюся и углубляющуюся с каждым моментом движения мысли (один из моментов всякого мировоззрения) вперед до бесконечности.

Различие анархического и социалистического мировоззрения усматривали тогда, как и усматривают теперь, не в существе, не в сути, не во внутреннем содержании, а лишь в форме, во внешнем виде, в наружной оболочке, «в программе политического действия», как говорили тогда, или в тактике, как говорят теперь.

Где же и с кем же был дух, личность, «я» Лаврова? Какую сторону угла образовывала своим движением «критически мыслящая личность» Лаврова?

Формально он движется по социалистической стороне угла. Он идеолог и основоположник русского социализма 70-х и 80-х годов - народничества. Между же народничеством, как одной из ветвей социализма, и анархизмом пропасть все-таки непроходимая. Правда, солнце реальной действительности не рассеяло еще тумана истории, и пропасть не видна. Многим и теперь кажется, что между народничеством и анархизмом много общего, родственного: ведь народничество много и подолгу остаивается на личности. Но это только кажется; действительность же иная, и мы ее в свое время увидим. Сейчас же можно только по аналогии сделать заключение. Было время, когда марксистская ветвь социализма философствовала «об управлении не людьми, а вещами», ныне же марксисты философы «твердо» управляют «критически мыслящими личностями», дошедшими до октябрьской революции, и управляют, заметьте, только ради участи пролетариата, понятие и границы которого все еще ищут. Во что же может вылиться управление людьми, которое будет совершаться ради реальной величины, ради личности, ради человека - это не трудно заключить.

Но если Лавров формально стоит на социалистической стороне острого угла, то фактически, по существу, по духу своему, по смыслу всего своего учения, он на анархической стороне угла. Все его мироотношение, точнее миропонимание, исходит и восходит к личности, чего как раз и не хватает в народничестве (социалистическом мировоззрении), исходящем и восходящем к метафизической величине - коллективу (человечество, народ и т. д.) и пытающемся вполне искренно, но только пытающемся и не более, не оторваться совершенно от земного, не потерять реальную величину - человека. Подойдите к Лаврову с какой угодно стороны, взгляните поглубже в его мысль, в его душу, и вы нигде не найдете хотя бы малейшего умаления индивидуального начала в пользу коллективного. На это способен только человек с индивидуалистическим (анархическим) миро-созерцанием.

В чем же причины этого формального и фактического противоречия?

Причины все те же: смешение существа двух мировоззрений - с одной стороны и вынужденное сотрудничество, «естественная» коалиция анархистов и социалистов - с другой стороны.

Доказательством только что высказанного может служить сам Лавров, который в своих «Очерках по истории Интернационала» усматривал естественную причи-

ну спора между анархистами и социалистами в их такти-ческих и политических (формальных только) стремлениях - разногласиях.

«В среде Международной Ассоциации, - пишет он, - можно было различить с самого начала два главных направления, расходящихся между собой во взглядах на организацию Ассоциации. Довольно сильная партия признает необходимость сильной централизации Интернационала... Столь же многочисленные представители разных оттенков противоположных мнений согласны между собой в отрицании необходимости сильной центральной власти и в признании за наилучший тип устройства Интернационала - федеративной организации рабочих групп»^[4]. Но Лавров думает, что «в сущности, это различие зависит от перевеса, придаваемого тому или другому из двух элементов, внесенных в рабочее движение организацией Интернационала»² и только от этого.

А вот эта мысль выражается еще яснее, ибо Лавров говорит здесь уже непосредственно об анархистах, а не о «многочисленных представителях разных оттенков противоположных мнений»: «Анархисты теоретики, - пишет он в своих «Исторических письмах», - положили устранение государственного элемента в основу своего учения, отрицая необходимость его существования даже в эпоху упорной борьбы с социальными противниками прогресса»^{3*}. Вы видите, что и здесь дело не в существовании мировоззрения, а лишь в его форме: в основе анархизма, по мнению Лаврова, лежит только одно стремление - устранение государственности. Личность, как база и цель анархического мировоззрения, ускользнула из внимания Лаврова.

Это одна, так сказать, сторона дела. Теперь другая.

Лавров с почти оформленным анархическим мировоззрением, каким он выступает перед нами в «Исторических письмах», где он говорит об индивидуализме, который «становится осуществлением общего блага помощью личных стремлений, но общее благо не может иначе осуществиться»⁴; где он говорит, что хотя «перед общественными формами личность, действительно, бессильна, однако борьба ее против них безумна лишь тогда, когда она силою сделаться не может. Но история доказывает, что это возможно и что даже это - единственный путь, которым осуществлялся прогресс в истории»⁵; или как еще выпуклее выступает он перед нами со своим анархическим мировоззрением, в других сочинениях утверждая, например, что «бесспорно реальны в истории лишь личности; лишь они желают, стремятся, обдумывают, действуют, совершают историю»⁶; «вообще реальны лишь особи»⁷... «Общества имеют... реальное существование лишь в личностях их составляющих», - вот этот Лавров попадает сразу, с начала своей общественно-политической деятельности, в среду, под влияние социалистов. Людей с оформленным анархическим мировоззрением Лавров не встречает почти в течении всей своей жизни.

² Там же, стран. 15-16

³ «Исторические письма», стран. 258. Курсив мой

⁴ Там же, стран. 110

⁵ Там же, стран. 138

⁶ «Опыт истории мысли», т. I, СПб., 1875 г., стран. 92

⁷ «Задачи понимания истории». СПб., 1903, 2-е изд., стран. 106

А Бакунин, а Гильом и целый ряд других анархистов, с которыми Лавров был тесно связан одной и той же исторической эпохой, одной и той же совместной борьбой со старым миром, спросят меня?

Все эти анархисты отдали дань своему времени. Анархисты по духу, бунтари по натуре своей, они были вовлечены в современный им водо-ворот социализма, смягчая его социальный идеал федерализмом, доходящим моментами до конфедерализма.

Попав с самого начала своей общественной деятельности в социалистическую атмосферу, Лавров естественно не мог выкристаллизовать свое уже сложившееся в душе анархическое миропонимание. Окружающее мешало ему претворить свое анархическое мирозерцание в анархическое мироотношение... «Личность, - говорит Лавров, - может нормально раз-виваться только во взаимодействии с общественной жизнью»⁸. *Эта же общественная жизнь и, главным образом, ее культура была во многом благоприятна лишь для развития социалистических идей. А «культура общества есть среда, данная историей для работы мысли и обуславливающая возможное для этой работы в данную эпоху с такою же неизбежностью, с какою во всякое время ставит пределы этой работе неизменный закон природы»*⁹. Культура последней четверти 19-го века, благоприятная для социалистических всходов, гнула все время «критически мыслящую личность» Лаврова в сторону социализма, не сумев, правда, перегнуть его окончательно. Духом он остался анархистом, делая формальные уступки социализму, думая, что «пока государственный союз есть могущественная функция в борьбе за прогресс и за регресс, до тех пор критически мыслящая личность имеет право употреблять ее, как орудие для охранения слабых, для расширения истины и справедливости, для доставления личностям средства развиваться физически, умственно и нравственно, для доставления большинству мини-муна удобств, необходимого для вступления на путь прогресса, для доставления мыслителю средств высказать свою мысль, а обществу возможность оценить ее, для сообщения общественным формам той гибкости, которая мешала бы им окоченеть и делала бы их доступными изменениям, благоприятным для расширения понимания истины и справедливости»¹⁰. *Хотя, где кончается это «пока», «до тех пор», этого Лавров не указывает, да и указать не мог бы, если бы даже и хотел, ибо это дело скорее личного вкуса да произвола; в лучшем случае границу и «меру употребления государственных сил в борьбе за прогресс» пришлось бы определять «в каждом частном случае», а это, как признает Лавров, «трудно»*¹¹. Я думаю, что это не только трудно, а почти невозможно: в 999-ти случаях из 1000 в определении границы «пока» будет играть первенствующую роль предание, привычки, консерватизм, и только в одном, быть может, действительная потребность. Стоит ли рисковать при таком соотношении и тем более при условии, что государственность «не может быть никогда целью прогрессивной деятельности», а «остаётся для нее во всех случаях лишь средством»?¹² *«Неужели человеческие общества могут ставить себе целью вечное политическое лечение (посредством различных форм государственности - примечание мое), а не здоровую жизнь по правилам*

⁸ «Историч. письма», стран. 113

⁹ Там же, стран. 124

¹⁰ Там же, стран. 259, 260

¹¹ Там же, стр. 259

¹² Там же, стран. 260

социологической гигиены»¹³, покоящейся на человеке, понимающим, что личные цели «не могут быть реализованы в какой либо другой среде», кроме обще-ственной.

Тридцать слишком лет культура гнула, но не согнула окончательно Лаврова в социалистическую дугу. Предельная уступка социализму у Лаврова - его безгосударственный социализм, своеобразный, отличный по форме от свободного социализма Бакунина, Кропоткина и Малатесты.

Безгосударственный социализм первого и свободный социализм вто-рых был, да и теперь еще остается, тем мостом, который искренние и преданные борцы за освобождение человека хотели перекинуть через анархосоциалистическую пропасть, с целью соединить и «сдружить» вра-гов старого мира. Общая ненависть к старому миру мешала им заметить что их мост - мираж. Они не видели или не хотели видеть, что мысль и жизнь, с каждым моментом своего вечного движения вперед углубля-ют и расширяют эту пропасть до бесконечности. Они не знали или забывали, что начатая «в явных союзах рабочих, в тайной социально-революцион-ной организа-ции» борьба со старым миром будет успешнее, если будет вестись с двух фронтов. Они не знали, или не хотели понять, что рано или поздно анархизм и социализм должны столкнуться в смертельной борьбе, и что чем раньше это столкновение наступит, тем меньше жертв оно потребует. Они не знали, или не могли понять, что анархизм, рожда-ющийся с каждым человеком, будет всегда бороться, побеждать и уничто-жать на своем пути всё, что мешает развитию личности. Не зная, не пони-мая, или забывая, они строили свой мост, уверяя других и себя в его реальности и прочности. Неужели нельзя построить мост через малень-кую ухабину? А ухабина казалась действительна мала: анархисты ведь положили только, как было указано выше, по мнению Лаврова, «устране-ние государственного элемента в основу своего учения, отрицая необхо-димность его существования даже в эпоху упорной борьбы с сильными противниками прогресса, но с этим уже трудно согласиться»^{14*}.

«...Но с этим трудно согласиться». Как знакомо и понятно нам теперь это слово. Монархистам трудно было согласиться даже с куцым ума-лением пре-рогатив монарха, выдвигаемого октябристами; октябристам трудно было согла-ситься с конституционной монархией западно-европей-ского типа, выдвигае-мой кадетами; кадетам трудно было согласиться с демократической республикой, выдвигаемой социалистами-минималистами; социалистам-минималистам труд-но было согласиться с централистической -социалистической республикой, вы-двигаемой социалистами-максимали-стами марксистского толка; социалистам-максималистам марксистского толка трудно согласиться с децентралистической-социалистической республикой, выдвигаемой социалистами - максималистами на-роднического толка; и наконец, последним, к которым можно отнести всех социа-листов, пытаю-щихся не потерять личность (лево-народников, синдикалистов и т. д.), трудно согласиться с интериндивидуальной республикой – анархической обще-ственностью.

Но если в 1870 году Лаврову было только «трудно согласиться», то шестилетнее пребывание в социалистической среде приводит его к более решительным выводам в

¹³ Там же, стран. 260

¹⁴ Там же, стран. 258

«Государственном элементе в будущем обществе». Государственность, по его мнению, «является элементом необходимым в течении длинных исторических периодов, необходимым в настоящем, не-обходимым в будущем, и лишь в том строе, который составляет цель рабочего социализма, этот элемент может быть устранен»^{15*}

Но почему он необходим, почему государственность «не может исчезнуть на другой день после социальной революции»? Потому что в тот момент, «победители будут окружены внешними и внутренними врагами, и сами еще будут носить в себе следы побежденного мира»¹⁶. *Это оправдание, по крайней мере, для ближайшего будущего необходимости существования государственности объективными («окружены внешними и внутренними врагами») и субъективными («победители... будут носить в себе следы побежденного мира») причинами, причинами сомнительными и опасными, говорит за то, что анархический дух не убит в Лаврове шестилетним социалистическим влиянием. Как демон-искуситель, он вопрошает мысль Лаврова: Необходим?!.. А почему?!.. И Лавров отвечает, но отвечает формально, как то властно диктует ему логика социализма. Но ведь «государство, как закон, как администрация, как суд, само по себе никогда не имело смысла»¹⁷, подсказывает ему его анархическое «я». И чтобы заглушить голос этого бунтаря, логика социализма отвечает: если нет смысла, то он «должен быть ему придан тем или другим общественным началом, которое, смотря по формам общественной культуры, было господствующим»^{18*}.*

Но есть ли смысл осмысливать бессмысленное - вот вопрос, который мысль Лаврова обходит благоразумно молчанием, лишь косвенно отмечая, что «особенность государственного элемента выказывается в том, что во всех случаях, при всех обстоятельствах, он должен быть доведен до возможного минимума и что все другие элементы, делаясь основанием общественной связи, стремятся довести его до этого минимума»^{19*}. Итак, не осмысливать бессмысленное, а доводить его до возможного минимума «во всех случаях, при всех обстоятельствах». Где же осталась необходимость существования государства в настоящем и ближайшем будущем и куда исчезли причины, оправдывающие эту необходимость? Они сожжены огнем «критически мыслящей личности» Лаврова. Чем больше и дальше увлекается Лавров социалистической формой, чем сильнее хочет он втолкнуть, внедрить в себя социалистическое мировоззрение, тем сильнее и глубже охватывает его существо анархизм и энергичнее и грознее обороняется оно от нападения «внешнего врага».

Проходит еще три с лишним года социалистического влияния на Лаврова, и он встает перед нами в своей «Парижской Коммуне», уже как сложившийся социалист-революционер. Первое беглое знакомство с этой глубоко-прекрасной, чудной книжкой наводит на мысль, что Лавров нашел, наконец, себя - социалиста, убив в себе всё анархическое, безначальное, вечно ищущее «я» своей «критически мыслящей личности». Но это только при первом беглом знакомстве; при более внимательном, вдумчивом отношении к этому документу становится очевидным, что социализм в Лаврове наносный, что лишь верхний слой, лишь оболочка, покров в нем

¹⁵ «Государственный элемент». Лондон, 1876 г., стран. 193. Курсив мой

¹⁶ Там же, стран. 199

¹⁷ Там же, стр. 194

¹⁸ Там же, стран. 194

¹⁹ Там же, стран. 193. Курсив мой

социалистический, а под покровом сим, более, быть может, густым, чем три года тому назад, лежит все тоже анархическое «я».

Откройте заключительную часть этой книги «Поучительные выводы». На первый взгляд это выводы человека с социалистическим мировоззрением. Он говорит о необходимости быть по социалистически готовым к революции, т. е. организовать заранее партию, долженствующую руководить революцией. Ибо «организовать партию под выстрелами неприятеля, при бурях борьбы на площади, во время политических столкновений с другими готовыми и организованными партиями, - обыкновенно бывает слишком поздно, и социалисты Коммуны 1871 г., главным образом, пострадали от этого»^{20*}.

Он говорит не только о необходимости «иметь свою готовую организацию», но «и готовую программу политического действия»²¹, на предмет указания практического пути, колеблющейся массе, на предмет решения за нее «трудных вопросов, представляемых комбинациями теоретических принципов с историческими условиями данного времени»²². «В минуту действительного столкновения, партия без программы бессильна»²³. И в этой своей программе социалисты прежде всего должны решить свои экономические вопросы. «Никогда и ни при каких обстоятельствах социалисты не имеют права забыть, что в настоящую эпоху исторической борьбы экономический вопрос примиряет над всеми прочими; что пока экономический переворот не совершен во всех главных основах - ничего не сделано»²⁴. Социалисты Коммуны «не решились провести сейчас же своей экономической программы и были настигнуты революцией, не образовав партии, не выработав своей политической программы действия. Это сделало их бессильными в борьбе с их противниками, якобинцами-рутинерами, которые имели готовую программу действия» и свое определенное решение экономического вопроса, хотя и чуждого «нового времени и нового распределения политических сил в нации»^{25*}.

Он говорит далее о необходимости для партии иметь в своих рядах «людей способных победить технические препятствия, которые представит минута действительной борьбы»^{26*}.

И о многом еще, в деталях, необходимом для партии, «для вероятности успеха в минуту действительной борьбы», говорит Лавров.

И на первый взгляд, повторяю, кажется, что перед нами уже только социалист. Но это только кажется и кажется на первый взгляд.

В самом деле, возьмите хотя бы его рассуждение о необходимости разрешения экономического вопроса. Он напоминает социалистам о первенстве экономического вопроса; он указывает, «что пока экономический переворот не совершён во всех главных основах - ничего не сделано; пока рабочий пролетариат не перестал быть пролетариатом, продающим свои силы за заработную плату и имеющим перед собой

²⁰ «Парижская Коммуна», стран. 209

²¹ Там же, стран. 212

²² Там же, стран. 214

²³ Там же, стран. 215

²⁴ Там же, стран. 211

²⁵ Там же, стран. 210

²⁶ Там же, стран. 216

и над собой подавляющую силу капитала, до тех пор "революция пролетариата" не совершилась»²⁷. Как же устроить, чтобы рабочий пролетариат перестал быть пролетариатом, чтобы «революция пролетариата совершилась»? Достаточно ли для этого иметь «готовую организацию и готовую программу политического действия»? И Лавров чувствует, что этого недостаточно. «Как только исторические комбинации доставят пролетариату хотя бы временную победу, - пишет он несколькими строчками ниже - он должен совершить прежде всего экономическую революцию»²⁸. Следовательно, необходимо, чтобы пролетариат совершил экономическую революцию и совершил ее сам, не по программе какой-либо партии. Пусть в решении трудных вопросов экономической революции, «представляемых комбинациями теоретических принципов с историческими условиями дан-ного времени»²⁹ будут недостатки, нестройность, но «уже то одно, что она совершится сознательно и решительно, будет важным завоеванием»³⁰. А разве масса, идущая за партией, действующая по ее программе, совершает что-либо сознательно и решительно? Никогда! Или она действует сознательно, тогда ей не нужно руководства партии, или она действует бессознательно, под руководством партии, но тогда ее действиями воспользуется всякий, и прежде ее враги. «Артиллерия пролетариата, это - "социальная идея"»³¹, как правильно отмечает анархист Лавров, а не партия с готовой программой. Никакая партия не совершит экономической революции, после которой рабочий пролетариат перестал бы быть пролетариатом, «продающим свои силы за заработную плату и имеющим перед собой и над собой подавляющую силу капитала». Партии не совершают революции и даже не помогают ее развитию, в лучшем случае они тормозят ее, а в худшем - губят, раздирая на части восставшие массы и отвлекая их от непосредственной революционной борьбы в борьбу за свои программы и за власть - руководство восставшими. Вот вечная и жалкая участь партий в революции. И Лавров своим анархическим сердцем, находящимся в социалистической груди, чует это, когда пишет, что социализм Интернационала, достигший в эту эпоху кульминационного своего развития, требовал, «чтобы рабочий класс сам завоевал себе господство над существующим экономическим строем»³². Сам?! А партии? «В минуту действительного столкновения партия без программы бессильна»³³, а партии с программой будут стремиться действовать «по всегда готовой, привычной рутине старых приемов», выработанных теоретически, в тиши кабинетов и годных, в лучшем случае, в нереволюционные периоды борьбы, а в революционные - приводящие всегда к тому, что «самые героические подвиги, самая самоотверженная энергия не предотвратит возвращения к старому злу в несколько измененной форме»³⁴. Тактика каждой революции вырабатывается в период самой борьбы и не-посредственно самой восставшей массой. Такова действительность. И

²⁷ Там же, стран. 211

²⁸ Там же, стран. 211

²⁹ Там же, стран. 214

³⁰ Там же, стран. 211

³¹ Там же, стран. 211

³² Там же, стран. 213

³³ Там же, стран. 215

³⁴ Там же, стран. 216

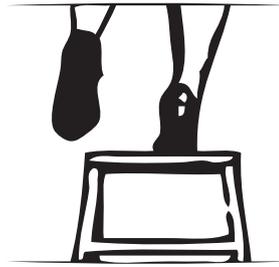
духом этой действительности проникнуты всё существо «Поучительных выводов» и, вообще, вся «Парижская Коммуна» Лаврова.

Многолетнее влияние социалистической среды на Лаврова сумело придать ему лишь социалистический облик, оставив не затронутым его анархический дух. Объективные обстоятельства не смогли устранить или изменить его субъективного идеала. Он остаётся до конца «критически мыслящей личностью», никогда неприемлемой никаким коллективистическим мировоззрением. Его мировоззрение индивидуалистическое, и что очень характерно - к ужасу всех социалистов, афиширующих свой альтруизм, действующих всегда ради «других» (пролетариата, народа, угнетённых и т. д.) и никогда ради себя, его миропонимание эгоистическое: он понимает, «что справедливость в своих результатах, тождественна с стремлением к личной пользе»^{35*}.

Вот почему я говорю о Лаврове: он - мой, и для тех, кто со мной, он - их, для тех же, кто на противоположной стороне непроходимой пропасти, он - чужой, он - не их. То что они принимают за его «я» - лишь тень, отбрасываемая от него, стоящего намоёй, на нашей стороне пропасти. Тот, кто хочет быть с ним, а не только с его тенью, пусть поспешит перепрыгнуть через пока ещё узкую пропасть, которая с каждым моментом истории все расширяется и углубляется и в недалеком будущем станет слишком широка и опасна для прыжка.

³⁵ «Исторические письма», стран. 52

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Стоянов Б.
Анархизм и П. Л. Лавров
12 июня 1920 г.

Скопировано 23 декабря 2014 года с <https://vk.com/anarcholibrary>
Текст приводится по сборнику «Вперед!» (“Forward!”), посвященного памяти
П.Л.Лаврова – «Колос», 1920, Петроград

ru.theanarchistlibrary.org